

ОНТОЛОГИЗМ ХРИСТИАНСКОГО БОГОСЛОВИЯ

Андрей Царенок,

кандидат философских наук,

студент 4-го курса Харьковской духовной семинарии,

преподаватель Черниговского духовного училища,

доцент Национального университета

“Черниговский колледж” имени Т. Г. Шевченко

Смысловой потенциал христианского богословия неизмеримо велик. В этом убеждает даже относительно поверхностный анализ известных вероучительных и нравоучительных истин. Стремящийся к объективности и беспристрастности человеческий разум, в том числе и разум, объятый духом скептицизма, не может не признать, что содержание теологических доктрин впечатляет своей глубиной и полиаспектностью.

Исследование “проторенных путей” богословия, равно, как и всей христианской культуры в целом, может сопровождаться попыткой выделить во всем богатстве соответственных постулатов, идей, смыслов некую доминанту – указать на первенствующий смысл, на главнейший принцип теологии или же выражаясь иначе, найти ее краеугольный камень.

На первый взгляд, такой доминантой христианского богословия выступает совокупность хрестоматийных морально-нравственных смыслов, его *этическое* начало. Оснований для такого вывода достаточно много. Учение, так или иначе, обращающееся к Декалогу и Заповедям Блаженств, проповедующее добро, справедливость и милосердие, а также высочайшую истину, согласно которой “Бог есть любовь” (1 Иоан. 4:8), безусловно, не может не обладать ярко выраженным этическим характером.

В то же время, тщательное обозрение теологических поисков, в частности, сфер нравственного богословия и аскетики, может существенно дополнить (если не ощутимо изменить) данную точку зрения, сместив акцент с этического на, к примеру, *эстетическое*. Так, известный богослов и философ протоиерей Сергей

Булгаков (†1944) считает, что Православие “имеет основной идеал не столько этический, сколько религиозно-эстетический: видение «умной красоты», которое требует для приближения к себе особого «умного художества», творческого вдохновения” [4, с. 188].

Указание на незаурядный эстетический характер (“ультра-эстетический дух”) богословия так же не лишено оснований. Исследователи вправе вести речь о сильном эстетизме христианской культуры: “христианство с очевидностью может быть рассмотрено как... религия Абсолютной Красоты и религия, воспевающая не только духовно, но и чувственно прекрасное, при условии соответствия последнего идеалам Истины и Добра” [10, с. 302].

Однако продолжение тщательного анализа богословской мысли позволяет нам не останавливаться исключительно на этом и подобных ему выводах и, рано или поздно, обнаружить новый “горизонт” христианской теологии – ее неоспоримую *онтологическую* основу.

Как и прочие сферы богословия, христианская онтология – учение о бытии – безусловно теоцентрична. И Священное Писание, и Священное Предание недвусмысленно указывают на то, что Бытием в собственном смысле этого важнейшего термина есть не кто иной, как “Иже от не сущих вся приведый” – Сам Бог. Именно Пресвятая Троица является Абсолютным Бытием (Сверхбытием), обладателем совершеннейшего онтологического статуса, а также Причиной бытия всего существующего.

Уже в Ветхом Завете краеугольная истина христианской онтологии выражена с особой четкостью и силой. “Я есмь Сущий”; “...так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам” (Исх. 3:14), – в этих довольно кратких словах Бога, обращенных не только к пророку Моисею, но и в его лице ко всему человечеству, сокрыт чрезвычайно глубокий богословский смысл преимущественно онтологического характера. Он будет утвержден и на страницах Нового Завета, в частности, в словах Господа Иисуса Христа, указывающего жестокосердному народу на Свое предвечное бытие, а

следовательно, и на Свое Божество: “...истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь” (Иоан. 8:58).

Искренно исповедуя истины Священного Писания, а также опираясь на личный опыт философствования и всесторонней жизни во Христе, Отцы и учителя Церкви продолжают так или иначе утверждать и проповедовать онтологические смыслы христианской доктрины, учить, что “только Бог существует самым полным и совершенным образом” [3, с. 5]. Так, согласно поучениям святителя Григория Нисского († после 394) в полной мере существует лишь одна – Божественная – реальность, являющаяся реальностью как таковой: “из всего объемлемого чувством и созерцаемого умом, ничто не есть сущее в подлинном смысле, кроме превысшей всего Сущности, которая всему Причина, и от которой все зависит” [5, с. 266]. Бесспорно, великий каппадокийский богослов вовсе не отрицает реальность и сотворенного Богом мира. Как и иные христианские мыслители, св. Григорий учит об особой иерархии бытия. Высочайшее положение в ней занимает Сущее, настолько неизмеримо превосходящее все, что существует кроме Него (и благодаря Ему), что весь тварный мир по сравнению с Ним выступает лишь сущим низшего порядка и даже, в некотором смысле, *не-сущим*.

Эту же мысль в несколько развернутом виде мы встречаем в духовном наследии блаженного Августина, епископа Иппонийского (†430). Молитвенно обращаясь ко Творцу всяческих, автор всемирно известной “Исповеди” упоминает о том же парадоксе: “Я рассмотрел все стоящее ниже Тебя и увидел, что о нем нельзя сказать ни того, что оно существует, ни того, что его нет: оно существует, потому что все от Тебя, и его нет, потому что это не то, что Ты”. Блаженный Августин убежден, что главным мерилom бытия обладает лишь Божество, Которому всегда свойственно нерушимое постоянство: “истинно существует только то, что пребывает неизменным” [2, с. 157], – указывает иерарх.

Размышления христианских теологов об Абсолютно Сущем органично соединены с размышлениями о непостижимой для тварного разума Абсолютной

Сущности. Богословская аксиома “Бог есть Сущий” – “Бог *есть*” – используется как дарованное Свыше средство отчасти приоткрыть завесу величайшей тайны – *что* (или же лучше – *Кто*) именно есть Бог. Здесь особым образом проявляется глубокий онтологизм христианского вероучения. Идея о Сущем (как известно, находящая свое примечательное художественное выражение на иконах) выступает фундаментом для важных богословских обобщений, своеобразным “плацдармом” для дальнейшего “наступления” богословской мысли, посвятившей себя области догматики.

Например, выдающийся систематизатор православного учения преподобный Иоанн Дамаскин († ок. 780), обращаясь к приведенной цитате “Я есмь Сущий”, не исключает нахождения в ней главнейшего имени Творца. Как размышляет святой Иоанн, “кажется, что из всех имен, приписываемых Богу, более главное – *Сый* [Сущий]... . Ибо все совместив в Себе, Он имеет бытие, как бы некоторое море сущности – беспредельное и неограниченное” [7, с. 40].

Подобным образом о сущности Бога учит и известнейший систематизатор постулатов католической доктрины Фома Аквинский († 1274). Как и другие теологи, он обращается к упомянутому ветхозаветному повествованию. Творец указал пророку Моисею, что собственное Его имя “Сущий”. “Но всякое имя, – размышляет Фома, – установлено для обозначения природы, или сущности какой-либо вещи. Выходит, что само божественное бытие есть его сущность, или природа”. Иными словами, богослов христианского Запада указывает на принципиальное тождество Божьего Бытия и Божьей Сущности: Аквинат убежден, что “чтойность Бога есть само его бытие” [там же, с. 139], а также, что “в Боге бытие и сущность – одно и то же” [там же, с. 127].

Конечно, христианские мыслители закономерно не оставляют без внимания и иных имен Бога, которые упоминаются в Священном Писании. Св. Иоанн Дамаскин, подчеркнув значение имени Сущий, упоминает и о высказанном в “Ареопагитиках” мнении, что главнейшее имя Творца – *Благий*: “ибо в отношении к Богу нельзя сказать сначала о бытии и тогда [уже] о том, что Он – благ” [7, с. 40]. Казалось бы, онтологизм догматического богословия

Дамаскина начинает ощутимо уступать место этическому началу. Однако уже вскоре в своих размышлениях маститый теолог православного Востока осуществляет впечатляющий синтез онтологического и этического, постулируя тождество Благого и Сущего. Прежде всего и больше всего Бог будет называться “благостью, нежели пороком; а [это] – то же самое, [что] сказать: тем, что существует, нежели тем, что не существует. Ибо благо – бытие и причина бытия, зло же – лишение блага или же бытия” [там же, с. 47], – учит преподобный Иоанн.

Онтологизм христианского богословия утверждается в сфере как вероучительных, так и нравоучительных истин. Здесь он также ощутимо превалирует над собственно этическим началом, придавая ему яркую онтологическую “окраску”. Если не быть в Боге “значит вовсе не быть” (св. Григорий Нисский) [6, с. 34], то зло не имеет настоящего бытия, является псевдо-бытием или же небытием; оно принципиально “лишено подлинной реальности” (о. П. Флоренский) [8, с. 342], и грех “заключается скорее в небытии, нежели в бытии, подобно тому как мы сказали бы, определяя тень: это – отсутствие света там, где должен быть свет” (П. Абеляр) [1, с. 77–78]. Такое осмысление зла, его бескомпромиссная деонтологизация способствует проповеди добродетельной жизни в Боге как истинного бытия разумного существа. Соответственно, яркий теолого-онтологический акцент помогает радикально усилить этический потенциал христианской религии.

Таким образом, одной из наиболее важных и, возможно, наиболее важной особенностью христианского богословия выступает его онтологический характер. Тщательное исследование позволяет интерпретировать *тео*-логию преимущественно как *онто*-логию, в которой учение о Совершеннейшем Бытии является основой для всех областей системы богословских наук. Воинствующий и торжествующий онтологизм, воспевающий Сущего и решительно отвергающий все претензии зла на реальность, в определенном смысле выступает “духом” религии, неутомимо ратующей против греховного небытия и делающей человека причастником Истинной Жизни о Том, Кто “воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав”.

Список использованных источников:

1. Абеляр П. История моих бедствий / Петр Абеляр ; [пер. с лат. С. Неретиной]. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 288 с. – (Азбука-классика).
2. Августин Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий ; [пер. с лат. М. Е. Сергеевко]. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 400 с. – (Азбука-классика).
3. Александр (Семенов–Тянь-Шанский), епископ. Православный катихизис / Александр (Семенов–Тянь-Шанский), епископ. – М. : Издание Московской Патриархии, 1990. – 128 с.
4. Булгаков С., протоирей. Православие. Очерки учения Православной Церкви / протоирей Сергей Булгаков. – К. : Либідь, 1991. – 238 с.
5. Григорий Нисский, св. Творения : в 8 т. / Святитель Григорий Нисский. – М. : Типография Т. Готье, 1861 – .– Т. 1. – 1861. – 470 с.
6. Григорий Нисский, св. Творения : в 8 т. / Святитель Григорий Нисский. – М. : Типография Т. Готье, 1861 – .– Т. 2. – 1861. – 479 с.
7. Иоанн Дамаскин, преп. Точное изложение православной веры / Преподобный Иоанн Дамаскин. – М. : Отчий дом, 2011. – 480 с. – (Серия “Святоотеческое наследие”).
8. Флоренский П. А. Имена : Сочинения / священник Павел Флоренский. – М. : Эксмо, 2006. – 896 с. – (Антология мысли).
9. Фома Аквинский. Сумма против язычников / Фома Аквинский ; [пер. и примеч. Т. Ю. Бородай]. – Книга I. – М. : Институт философии, теологии и истории имени св. Фомы, 2004. – 440 с.
10. Царенок А. В. Естетико-аскетичні традиції Візантії в історії християнської культури : монографія / Андрій Вікторович Царенок. – Чернігів : Десна Поліграф, 2017. – 348 с.